

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ: АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА ДЖ. ЭВЕРИЛЛА

Е. А. Валужева

Понятие эмоциональной креативности

Появление понятия «эмоциональная креативность» в психологии связано с логикой развития двух независимых подходов. В области психологии эмоций понятие эмоциональной креативности зарождается как закономерное и логически необходимое следствие конструктивистского взгляда на эмоции. В социально-конструктивистской теории эмоций Дж. Эверилла ключевым является понятие «эмоциональный синдром». Эмоции, согласно Дж. Эвериллу, не являются биологически запрограммированными реакциями, а конструируются социумом, и очевидно, что есть кто-то, кто отвечает за их создание. Способность влиять на структуру и содержание эмоциональных синдромов и называется эмоциональной креативностью.

Другая область, в которой появление понятия эмоциональной креативности практически неизбежно – это когнитивная психология. Изучение интеллектуальных и творческих процессов с момента возникновения психологии как науки занимает в ней одно из ведущих мест. Относительно недавно (в начале 1990-х годов) в психологии появилось понятие эмоционального интеллекта, который в общем виде определяется как способность к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями (Salovey, Mayer, 1990). На первый план здесь выходит необходимость решать задачи на эмоциональном материале, и в этом смысле он противопоставляется «обычному», предметному интеллекту. Как правило, корреляции тестовых показателей эмоционального интеллекта с «обычным» интеллектом различаются в зависимости от того, какой вид «предметного» интеллекта рассматривается: для вербальных шкал корреляции составляют порядка 0,3, а для невербальных оказываются нулевыми или даже слабоотрицательными (Mayer, Salovey, Caruso, 2004; Ivcevic et al., 2007; Brackett, Mayer, 2003; Mayer et al., 1999; Roberts et al., 2001; Van der Zee et al., 2002). Возможно,

Подготовка статьи поддержана грантами РФНФ № 08-06-00755а и грантом Президента РФ МК № 1799.2008.6.

эти результаты можно трактовать как наличие связи эмоционального интеллекта с кристаллизованным, но отсутствия такой связи с флюидным. По всей видимости, в развитии эмоционального интеллекта достаточно большую роль должен играть опыт взаимодействия в эмоционально-нагруженных ситуациях.

Если для решения задач на эмоциональном уровне требуется какая-то особая способность, то для проявления креативности в области эмоций необходимо существование такой же специальной способности, которая логичным образом получила название «эмоциональная креативность». С точки зрения Д. В. Ушакова, модель, позволяющая описывать соотношение разных видов интеллекта и креативности, включает в себя 2 параметра. С одной стороны, это тип кодирования информации, который может быть предметным и эмоциональным. С другой стороны – это тип когнитивных процессов. Первый тип процессов можно назвать комбинаторными – они включают в себя логические операции внутри уже построенной модели задачи, разнообразные «счетные» операции, поиск одного правильного решения. Эти процессы вслед за Дж. Гилфордом часто называют конвергентным мышлением. Второй тип процессов, в противоположность первому, связан с некомбинаторными операциями – с обнаружением необычных свойств объекта и построением на их основе новой модели задачи, с решением нестандартных задач, с дивергентным мышлением. Способность к решению комбинаторных задач с предметным содержанием можно назвать «предметным» интеллектом, способность к решению некомбинаторных задач с предметным содержанием – креативностью, способность к решению комбинаторных задач на эмоциональном материале – эмоциональным интеллектом, а решение некомбинаторных задач с эмоциональным содержанием – эмоциональной креативностью. Исходя из этой модели можно делать предсказания о связи разных способностей между собой. Так, например, согласно модели, благодаря общему преобладающему типу кодирования информации эмоциональная креативность должна быть связана с эмоциональным интеллектом, а предметный интеллект – с предметной креативностью. То же самое можно сказать о предметной и эмоциональной креативности и о предметном и эмоциональном интеллекте, которые связаны через потенциалы дивергентного и конвергентного мышления. С другой стороны, модель предсказывает отсутствие связи между эмоциональным интеллектом и предметной креативностью и между эмоциональной креативностью и предметным интеллектом, так как в их основе лежат разные типы кодирования и разные типы когнитивных процессов. Для проверки данной модели требуется крупное исследование с привлечением большого количества испытуемых и современных методов обработки данных.

Эмоциональная креативность в концепции Дж. Эверилла

Понятие эмоциональной креативности, предложенное американским психологом Дж. Эвериллом (Averill, 2004; Averill, Thomas-Knowles, 1991), вытекает из его теории эмоций. Ключевое понятие этой теории – «эмоциональный синдром». Автор разрабатывает конструктивистский взгляд на природу эмоций, согласно которому эмоции представляют собой синдромы – сложные паттерны реакций, причем ни один из традиционных компонентов эмоций (таких как экспрессия, физиологическое возбуждение или субъективные переживания) не является ни обязательным, ни достаточным для эмоционального синдрома. Важное положение теории заключается в том, что эмоциональные синдромы организуются, главным образом, согласно **социальным** нормам и не являются генетически запрограммированными. Эмоции не просто регулируются социумом, но и конструируются в соответствии с имплицитными теориями эмоций данной социальной группы. Имплицитные теории включают в себя «экзистенциальный» компонент (представления о том, что есть эмоции вообще и конкретные эмоции в частности) и социальные правила (представления о том, какие эмоции должен испытывать человек и как они должны проявляться). Эмоциональный синдром, по определению самого Дж. Эверилла – нечто похожее на проект архитектора, это «предписывающее описание». Например, синдром печали не только является описанием того, что есть печаль, но предписывает, как должен вести себя человек в состоянии печали. Автор посвятил большое количество исследований тому, чтобы показать, каким образом определенные эмоции (гнев, печаль, любовь, надежда) встраиваются в систему социальных отношений и поддерживают ее.

Понятие эмоциональной креативности оказывается логичным и даже необходимым следствием конструктивистского взгляда на эмоции. Так как эмоции, согласно Эвериллу, не являются биологически запрограммированными реакциями, а конструируются социумом, то, очевидно, есть кто-то, кто отвечает за их конструирование. Способность влиять на структуру и содержание эмоциональных синдромов называется эмоциональной креативностью. Эмоциональной креативностью индивидов внутри определенного общества можно объяснить межкультурные различия в эмоциональных синдромах. Если новая эмоциональная «социальная роль» оказывается полезной, то она передается и используется в обществе; со временем благодаря накоплению инноваций различия в эмоциональных синдромах в разных культурах возрастают.

Эмоциональная креативность рассматривается Эвериллом как генерирование новых (отличных от нормативных), эффективных (име-

ющих определенную индивидуальную или групповую ценность) и аутентичных (отражающих индивидуальность творца) эмоциональных синдромов.

Измерение эмоциональной креативности

Разные люди обладают разной степенью эмоциональной креативности. Некоторые люди способны лишь необычным и особенно эффективным образом выражать и переживать эмоции в рамках уже существующих эмоциональных синдромов. Более высокий уровень эмоциональной креативности – модификация стандартных эмоций. Наиболее креативные люди способны сами создавать новые формы эмоций, меняя правила и представления, на которых эти эмоции основаны.

Для измерения эмоциональной креативности были предложены методики двух типов – опросники, основанные на самоотчете, и задания, напоминающие тесты обычной, «когнитивной» креативности.

Дж. Эвериллом был разработан Опросник эмоциональной креативности (ECI – Emotional Creativity Inventory), отражающий авторскую концепцию измеряемого конструкта. Он состоит из 30 вопросов и включает 3 шкалы – эмоциональная готовность (знания об эмоциях и значение, придаваемое эмоциональной жизни), новизна и аутентичность/эффективность. Используя этот опросник, автор провел ряд исследований, направленных на изучение взаимосвязи эмоциональной креативности с другими способностями и личностными чертами (Averill, 1999; Gutbezahl, Averill, 1996). В частности, используя опросник «Большая пятерка», он получил данные о связи эмоциональной креативности со шкалой открытости опыту ($r = 0,58$) и сотрудничества ($r = 0,23$), а также о связях отдельных шкал эмоциональной креативности с экстраверсией/интроверсией (шкала эффективности/аутентичности, $r = 0,28$) и нейротизмом (шкала новизны, $r = 0,2$). Очень сходный паттерн корреляций между ECI и Большой пятеркой был обнаружен в исследовании З. Ивкевич с соавт. (Ivcevic et al., 2007) – тесные связи с открытостью опыту и связь отдельных шкал ECI с нейротизмом и другими измерениями Big Five. Эмоциональная креативность положительно связана с самооценкой ($r = 0,26$) и самоэффективностью ($r = 0,30$). Характерные для эмоциональных людей стратегии копинга – самоконтроль, поиск социальной поддержки, планирование способов решения проблемы. С эмоциональной креативностью также положительно коррелируют количество и тяжесть травматического опыта в детстве ($r = 0,4$). Что касается связи эмоциональной креативности с интеллектуальными способностями, измеренными по SAT (Scholastic Assessment Test), то данные скорее говорят об отсутствии значимой связи, однако можно констатировать, что направление

связей для математических ($r = -0,21-0,1$) и вербальных ($r = 0,1-0,17$) способностей различаются. Скорее положительное направление связи между эмоциональной креативностью и вербальными способностями, по-видимому, объясняется вербальной природой ECI.

Тестовые методы диагностики эмоциональной креативности сходны с обычными тестами на дивергентное мышление, однако содержание, с которым работает испытуемый, связано с эмоциональной сферой. В качестве примеров можно привести разработанные Дж. Эвериллом и К. Томас-Ноулес тесты «Эмоциональные следствия» и «Эмоциональные триады». Первая методика – аналог одного из субтестов батареи Торренса. Задача испытуемого – представить себе как можно больше последствий воображаемой ситуации, связанной с переживанием эмоций. Например, нужно описать, что произошло бы, если бы люди по утрам испытывали только положительные эмоции, а во второй половине дня были всегда в плохом настроении. Учитывались показатели беглости и оригинальности ответов, а показатель согласованности 4 заданий α Кронбаха составил 0,71. В тесте «Эмоциональные триады» испытуемому предлагается написать рассказ, в котором были бы объединены в одно целое три различных эмоциональных переживания (например, одинокий, злой, радостный). Эксперты оценивали креативность ответов с учетом критериев новизны, эффективности, аутентичности и интеграции (степень, в которой 3 эмоции составляют единое целое). Для четырех входящих в тест заданий α Кронбаха оказалась равна 0,66. Д. В. Ушаковым и О. Н. Ивановой были разработаны похожие по принципу задания – испытуемому дается общее описание некоторой эмоциогенной ситуации, а также обозначается эмоция, которая не соответствует приведенной ситуации; необходимо придумать как можно больше таких конкретизаций ситуации, чтобы было понятно, почему данная эмоция возникла. Предварительные данные говорят о достаточно высокой ($\alpha = 0,67$) согласованности четырех заданий, входящих в тест.

Далее мы представим результаты апробации Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла на русском языке.

Адаптация Опросника эмоциональной креативности на русскоязычной выборке*

Процедура. Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ECI) представляет собой набор из 30 утверждений. Испытуемому предлагается оценить по пятибалльной шкале, в какой степени каждое из утверждений характеризует его, при этом тестируемому предлагается сравнить себя с «обычным» человеком. Опросник был переведен на русский язык и апробирован на выборке 179 человек.

* Автор приносит благодарность С. С. Беловой за помощь в сборе материала.

В исследовании преимущественно принимали участие студенты-психологи в возрасте от 18 до 48 лет ($M = 19,9$; $SD = 3,3$), 38 мужчин и 140 женщин (один испытуемый своего пола не сообщил). Целью исследования было сравнить факторную структуру и психометрические свойства русскоязычной версии опросника с данными, приводимыми Дж. Эвериллом (Averill, 1999).

Факторная структура. При факторизации ЕСИ Дж. Эверилл использовал процедуру как ортогонального, так и косоугольного вращения, которые дали сходные результаты. Так как автором не предполагалась независимость измерений эмоциональной креативности, он приводит данные для косоугольного вращения. В результате факторного анализа Дж. Эвериллом было выделено 3 фактора, в совокупности объясняющие 43% дисперсии (26%, 11% и 6% соответственно), при этом нагрузки на первый фактор до вращения составляли от 0,30 до 0,68 (т. н. эффект положительной множественности), что говорит о единстве конструкта, измеряемого опросником.

Следуя процедуре Дж. Эверилла, мы провели факторизацию методом главных компонент с косоугольным вращением облимин, а также с ортогональным вращением варимакс и также получили практически идентичные результаты. Мера адекватности выборки КМО оказалась равна 0,72, значимость коэффициента сферичности Бартлетта меньше 0,001. Это свидетельствует о высокой надежности вычисления корреляционной матрицы.

После факторизации наших данных лучшим с точки зрения интерпретации решением также оказалось трехфакторное, однако процент объясняемой тремя факторами дисперсии оказался существенно ниже, чем у Дж. Эверилла – 34,7% (14,9%, 10,2%, 9,6% соответственно)*. Положительные нагрузки на первый фактор до вращения в среднем оказались ниже, чем в исследовании Дж. Эверилла (от 0,1 до 0,6). При этом нами также был выявлен эффект положительной множественности.

Одно из отличий факторной структуры, полученной Дж. Эвериллом, от нашей заключается в том, что первый и второй факторы поменялись местами. В данных, приводимых Дж. Эвериллом, первым фактором, объясняющим наибольший процент дисперсии, является фактор «Готовность», а на нашей выборке – фактор «Новизна».

Далее, некоторые пункты оказались нагружены не по тем шкалам, по которым предположительно они должны были иметь наибольшие нагрузки. Так, пункт 11 (*Мне не слишком интересна эмоциональная сторона моей жизни*) и 21 (*В ситуациях, требующих эмоционального отклика, я могу быть достаточно изобретательным и оригинальным*)

* Наилучшим с точки зрения ряда статистических критериев является пятифакторное решение, однако его содержательная интерпретация представляется проблематичной.

имеют высокие нагрузки по шкале «Эффективность/Аутентичность», а должны входить в факторы «Готовность» и «Новизна» соответственно. Напротив, предполагалось, что пункт 4 (*Я хорошо справляюсь с ситуациями, которые требуют переживания новых и необычных эмоций*) войдет в фактор «Эффективность/Аутентичность», но он имеет нагрузку по фактору «Новизна». При этом пункт 14 (*Мне нравится музыка, танцы, картины, которые возбуждают новые и необычные эмоции*), по замыслу принадлежащий фактору новизны, имеет большую нагрузку по фактору готовности (см. таблицу 1). Видимо, не имеет смысла подробно обсуждать, почему каждый из этих пунктов попал не в «свой» фактор. Возможно, здесь сыграла роль случайность, связанная с не слишком большим количеством испытуемых или не очень удачный перевод. Менее банальное предположение заключается в том, что «неправильная» работа пунктов связана с их релевантностью культуре. Так, например, в модели Д. В. Ушакова рассматриваются три компонента культурной релевантности – частотность, ценность и прототипичность. Предполагается, что восприятие примеров поведения или личностных особенностей, зафиксированных в утверждениях опросников, является культурно-специфичным. Примеры поведения и личностных особенностей могут восприниматься как распространенные или нераспространенные в культуре (измерение частотности), как значимые или незначимые для представителей культуры (измерение ценности) и как типичные или нетипичные для измеряемого конструкта (измерение прототипичности). В исследованиях С. С. Беловой с соавт. было показано, что с высотой самооценки способностей (интеллектуальных и творческих) положительно связаны частотность и ценность входящих в опросник пунктов, а внешняя валидность опросников интеллекта и креативности (корреляция с соответствующими тестовыми показателями) – положительно с прототипичностью и отрицательно – с ценностью. Таким образом, авторами было продемонстрировано, что психометрические свойства самооценочных методик отчасти определяются релевантностью входящих в них пунктов (Белова и др., 2008). К сожалению, имеющиеся у нас данные по адаптируемому опроснику не позволяют произвести какой-либо анализ зависимости его факторной структуры от культурной релевантности пунктов. Для этого следовало бы сначала получить дополнительную информацию о том, как входящие в опросник утверждения оцениваются представителями разных культур (русской и американской) с точки зрения их частотности, ценности, прототипичности и, возможно, каких-либо других измерений. Такая задача, однако, представляет собой перспективы дальнейшей работы.

В целом можно сказать, что паттерн факторных нагрузок весьма сходен с полученным Дж. Эвериллом.

Таблица 1

ФАКТОРНЫЕ НАГРУЗКИ ПУНКТОВ ОПРОСНИКА ДЛЯ ТРЕХФАКТОРНОГО РЕШЕНИЯ
(МЕТОД ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ, КОСОУГОЛЬНОЕ ВРАЩЕНИЕ)

Номер	Утверждение	Фактор 1 (новизна)	Фактор 2 (готовность)	Фактор 3 (эффективность/ аутентичность)
1Н	Мои эмоциональные реакции необычны и не похожи на эмоциональные реакции других людей	0,50 (0,69)		
6Н	Я могу представить себя переживающим (ей) чувства одиночества, злости и радости одновременно	0,55 (0,50)		
8Н	Иногда я испытываю чувства, которые нелегко описать обычными словами	0,42 (0,61)		
10Н	Я испытывал такие сочетания эмоций, которые другие люди, вероятно, никогда не испытывали	0,68 (0,69)		
14Н	Мне нравится музыка, танцы, картины, которые возбуждают новые и необычные эмоции	0,17 (0,40)	0,37 (0,42)	
16Н	У меня был эмоциональный опыт, который можно было бы назвать необычным, выходящим за рамки общепринятого	0,63 (0,74)		
18Н	В эмоциональных ситуациях я склонен/на вести себя неординарно	0,59 (0,62)		
19Н	Я люблю представлять ситуации, которые требуют необычных, нестандартных, неординарных эмоций	0,45 (0,61)		
21Н	В ситуациях, требующих эмоционального отклика, я могу быть достаточно изобретательным и оригинальным	0,22 (0,49)		0,40
23Н	Мне нужно было бы быть поэтом или писателем, чтобы описать те эмоции, которые я иногда испытываю, настолько они необычны	0,60 (0,57)		
24Н	Я могу испытывать множество разных эмоций в одно и то же время	0,76 (0,61)		
26Н	Я предпочитаю кино и книги, в которых изображаются сложные и невероятные эмоциональные ситуации	0,37 (0,42)		
28Н	Количество и разнообразие моих эмоциональных реакций иногда превосходит мою способность описывать то, что я чувствую	0,61 (0,52)		
30Н	Я могу испытывать большое количество разнообразных эмоций	0,71 (0,48)		

Продолжение таблицы 1

2Г	Когда я испытываю сильные эмоции, я стараюсь понять их причины		0,75 (0,75)	
5Г	Я считаю, что эмоциональному развитию следует уделять не меньше внимания, чем интеллектуальному		0,23 (0,62)	
7Г	Я размышляю о своих эмоциональных реакциях и стараюсь их понять		0,79 (0,82)	
11Г	Мне не слишком интересна эмоциональная сторона моей жизни (-)		0,00 (0,50)	-0,28
15Г	Для решения возникающих эмоциональных проблем я обращаюсь к своему прошлому эмоциональному опыту		0,63 (0,58)	
20Г	После сильных эмоциональных переживаний я стараюсь мысленно вернуться назад и оценить мои реакции объективно		0,65 (0,66)	
27Г	Я обращаю внимание на эмоции других людей, чтобы лучше понимать свои собственные чувства		0,61 (0,72)	
4Э	Я хорошо справляюсь с ситуациями, которые требуют переживания новых и необычных эмоций	0,30		0,27 (0,46)
9Э	Мне хорошо удается выражать свои чувства			0,59 (0,78)
12Э	То, как я переживаю и выражаю эмоции, помогает мне в отношениях с другими			0,47 (0,60)
17Э	Мои эмоции помогают мне достигать целей в жизни			0,43 (0,49)
25Э	Мои эмоции – главный источник смысла в жизни, без них моя жизнь не имела бы значения	0,39 (0,60)		0,31 (0,44)
3А	Я стараюсь быть честным в выражении своих чувств, даже когда это приводит к проблемам			0,61 (0,63)
13А	Мои эмоции почти всегда являются подлинным выражением моих мыслей и чувств			0,71 (0,71)
22А	Мои внешние эмоциональные реакции точно отражают мои внутренние чувства			0,74 (0,69)
29А	Я стараюсь маскировать и прятать свои эмоции (-)			-0,64 (-0,73)

Примечание. Первый столбец содержит номера пунктов опросника, а также буквами обозначены измерения эмоциональной креативности, в которые эти пункты входят (Н – новизна, Г – готовность, Э – эффективность, А – аутентичность). В скобках приведены нагрузки, полученные Дж. Эвериллом. В случае если переменная имеет достаточно высокие нагрузки не по своему фактору, они также приводятся в соответствующем столбце. Серой заливкой отмечены номера пунктов, нагруженных полностью не по «своим» шкалам.

Характеристики шкал. В таблицах 2 и 3 приведены показатели согласованности опросника в целом и его отдельных шкал, а также

корреляция шкал опросника между собой. Данные говорят о приемлемом для самооценочных методик уровне внутренней согласованности опросника (0,82) и его шкал (от 0,65 до 0,82). Обращают на себя внимание слабые связи шкалы «Готовность» с двумя другими шкалами опросника, в то время как по данным Дж. Эверилла именно они оказываются наиболее сильными. Корреляция шкалы «Новизна» со шкалой «Эффективность/Аутентичность» сопоставима по величине с корреляцией в исследовании Дж. Эверилла.

Таблица 2

Внутренняя согласованность опросника и его шкал
(в скобках приведены α Кронбаха, полученные Дж. Эвериллом)

Опросник в целом	Готовность	Новизна	Эффективность/аутентичность
0,82 (0,90) <i>N</i> = 30	0,65 (0,82) <i>N</i> = 7	0,82 (0,84) <i>N</i> = 14	0,72 (0,83) <i>N</i> = 9

Таблица 3

Взаимные корреляции шкал опросника
(в скобках приведены корреляции, полученные Дж. Эвериллом)

	Готовность	Новизна
Готовность		
Новизна	0,22, $p < 0,01$ (0,51)	
Эффективность/аутентичность	0,13, не значим (0,57)	0,33, $p < 0,01$ (0,34)

Показатели выборки. Так как по каждому отдельному пункту опросника испытуемый может набрать от 1 до 5 баллов, общий балл по шкале в целом потенциально должен варьироваться от 30 до 150. Реально же разброс оценок в исследовании Дж. Эверилла составил от 59 до 145 баллов ($M = 103,46$; $SD = 14,68$), а в нашем – от 70 до 140 ($M = 104,98$; $SD = 13,88$), при этом Дж. Эверилл обнаружил значимые различия между мужчинами ($M = 100,86$) и женщинами ($M = 104,6$), нами же таких различий обнаружено не было ($M = 103,08$ и $105,56$ соответственно).

Заключение

Учитывая объем и специфичность выборки, на которой проводилось исследование, можно констатировать удовлетворительные результаты – факторная структура опросника достаточно точно соответствует замыслу автора, а коэффициенты согласованности его пунктов в целом и по отдельным шкалам достаточно высоки. По-видимому, данную методику целесообразно использовать в исследовательских целях для измерения индивидуальных различий в представлениях людей о своем эмоциональном опыте, однако для того, чтобы иметь

возможность использовать ЕСІ в практических целях (например, для оценки и отбора персонала), необходимо провести дополнительные исследования, направленные на проверку и повышение надежности шкал, получение норм, а также на исследование внешней и прогностической валидности методики.

В теоретическом плане требуется прояснить существенные вопросы, касающиеся соотношения разных видов интеллекта и креативности. Так, например, одно из главных затруднений, которое видит Дж. Эверилл в области исследования эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности – это проблема взаимоотношения между этими двумя конструктами. Вопрос для автора осложняется тем, что, по его мнению, в понятии эмоционального интеллекта заложено биологическое понимание эмоций, в то время как введенное им понятие эмоциональной креативности базируется на представлении о социальной природе эмоций (Averill, 2004). Далее, введя понятие эмоциональной креативности, Дж. Эверилл интерпретирует ее скорее как личностную черту, чем как способность. С одной стороны, об этом свидетельствует основной метод, с помощью которого измеряется эмоциональная креативность – опросник, типичный инструмент измерения личности. С другой стороны – результаты исследований: достаточно высокие и многочисленные корреляции с разнообразными личностными чертами и практически нулевые корреляции с когнитивными способностями.

Итак, на наш взгляд, дальнейшие исследования должны быть направлены на решение следующих вопросов. Является ли соотношение эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности аналогичным соотношению «предметных» интеллекта и креативности? Если да, то должно ли это проявляться лишь на уровне психометрических показателей или есть глубинное сходство механизмов функционирования? Если нет, то как можно было бы описать стоящие за ними процессы и следует ли вообще выделять эмоциональную креативность как отдельную способность?

ЛИТЕРАТУРА

- Белова С. С., Валуева Е. А., Ушаков Д. В. Должна ли диагностика интеллекта и креативности быть культурно-релевантной? // Третья международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: в 2 т. Москва, 20–25 июня 2008 г. С. 198–199.
- Averill J. R. Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // *Journal of Personality*. 1999. V. 67. 331–371.
- Averill J. R. Emotional creativity: Toward “spiritualizing the passions” // *Handbook of positive psychology* / Ed. by C. R. Snyder, S. J. Lopez. New York: Oxford University Press, 2002. P. 172–185.

- Averill J.R.* A tale of two snarks: Emotional intelligence and emotional creativity compared // *Psychological Inquiry*. 2004. V. 15. P. 228–233.
- Averill J.R.* Emotions as mediators and as products of creative activity // *Creativity across domains: Faces of the muse* / Ed. by J. Kaufman, J. Baer. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005. P. 225–243.
- Averill J.R., Chon K.K., Haan D.W.* Emotions and creativity, East and West // *Asian Journal of Social Psychology*. 2001. V. 4. P. 165–183.
- Averill J.R., Thomas-Knowles C.* Emotional creativity // *International review of studies on emotion* / Ed. by T. Strongman. London: Wiley, 1991. V. 1. P. 269–299.
- Brackett M.A., Mayer J.D.* Convergent, Discriminant, and Incremental Validity of Competing Measures of Emotional Intelligence // *Personality and social psychology bulletin*. September, 2003. V. 29. № 9. P. 1147–1158.
- Gutbezahl J., Averill J.R.* Individual Differences in Emotional Creativity as Manifested in Words and Pictures // *Creativity Research Journal*. 1996. Vol. 9. Issue 4. P. 327–337.
- Ivcevic Z., Brackett M.A., Mayer J.D.* Emotional intelligence and emotional creativity // *Journal of Personality*. 2007. V. 75. P. 199–235.
- Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P.* Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // *Intelligence*. 1999. V. 27. P. 267–298.
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional Intelligence: Theory, Findings, and Implications // *Psychological Inquiry*. 2004. V. 15. Issue 3. P. 197–215.
- Roberts R.D., Zeidner M., Matthews G.* Does Emotional Intelligence Meet Traditional Standards for an Intelligence? Some New Data and Conclusions // *Emotion*. 2001. V. 1. № 3. P. 196–231.
- Van Der Zee K., Thijs M., Schakel L.* The Relationship of Emotional Intelligence with Academic Intelligence and the Big Five // *Eur. J. Pers.* 2002. V. 16. P. 103–125.
- Wallas G.* The art of thought. New York: Harcourt, Brace, 1926.